

ЯЗЫК КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.)

Исследуется историко-лингвистическая концепция адмирала А.С. Шишкова (1754–1841). На основе обширного источникового материала показывается, что теоретические построения А.С. Шишкова были призваны выработать национальный язык на основе синтеза языка священных текстов, исторических сочинений и фольклора и тем самым воссоздать утопическое единство допетровского общества в сфере языка. Указывается важнейшая роль языковых споров рубежа XVIII–XIX вв. в деле формирования собственного национального образа.

Ключевые слова: А.С. Шишков; архаисты; национальная самобытность; «Слово о полку Игореве»; Краледворская рукопись.

В начале XIX в. языковые вопросы занимали не только ученые умы филологов и лингвистов, но и тех, кто так или иначе был связан с выработкой государственного курса развития страны. Каким должен быть литературный язык? Что должно лежать в его основе? Как он может взаимодействовать с иностранными заимствованиями? – эти и подобные вопросы были предметом обсуждения в светских салонах, официальных собраниях, дружеских посиделках и, конечно же, литературных кружках. Такая популярность языковой темы в широкой общественности и внимание, с которым относилось к ней государство, были вызваны актуализировавшейся в условиях франко-русского двуязычия проблемой национального своеобразия.

Модернизация, начатая Петром I и в основе своей имевшая заимствование опыта Запада, к началу XIX в. привела к тому, что иностранная культура, особенно столичной аристократии дворянства, воспринималась как своя, тогда как русская расценивалась как невежество и варварство. Проблема потери национальной идентичности особенно ярко выступала на фоне макроисторических процессов, происходивших в Европе, где, начиная с Франции, стали постепенно складываться этнически гомогенные национальные государства с политическим равенством граждан. Преимущества нового типа государства были незамедлительно продемонстрированы в экономике и внешней политике.

В таких условиях Российская империя была уязвимой: не приходилось и говорить о наличии гражданского общества в стране с многонациональным населением и достаточно жесткой сословной системой. Поэтому государство и общественность предпринимают попытки осмыслить данную культурную ситуацию и найти адекватный ответ на вызов, вновь брошенный Европой. Не зря современный исследователь консерватизма в России А.В. Ермаков назвал первую четверть XIX в. в этом смысле временем «реакции» [1. С. 24].

В данной статье предпринимается попытка проанализировать идеологическую схему, предложенную А.С. Шишковым, адмиралом, литератором и видным государственным деятелем начала XIX в., в свете проблемы национального своеобразия России, а также рассмотреть, какую роль он отводил языковой политике.

А.С. Шишков осмыслял современную ему ситуацию франко-русского двуязычия и галломании с точки зрения «свое – чужое». Адмирал, впоследствии лидер архаистов, идеализировавших русскую старину и объединившихся в литературный кружок под названием

«Беседа любителей русского слова», занял позицию активного защитника национальных ценностей. Его противниками стали литераторы, группировавшиеся вокруг Н.М. Карамзина и разделявшие взгляды последнего относительно того, что Россия может вписаться в контекст общеевропейского развития, если будет учиться у Запада, подражать ему: «Иностранцы были умнее Русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытом... Какой народ не перенимал у другаго?» [2. С. 345]. Но А.С. Шишков, сам «продукт» петровской европеизации, был против такого подражания и впоследствии начал отстаивать идеи, окрашенные в яркие национальные краски. В своей попытке создать идеологему, которая утверждала бы национальную исключительность России, адмирал обращается к такой области культуры, как язык, составлявший, по его мнению, «душу народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчного проповедника дел» [3. С. 275].

В 1803 г. публикуется сочинение А.С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», открывшее полемику между архаистами и карамзинистами. В данном произведении автор рьяно защищает своеобразие русской культуры, чистоту русского языка, которой можно достичь, лишь отказавшись от иностранных, прежде всего, французских заимствований. Критика современных писателей сопровождается акцентом на книгах духовного содержания как должных образцах для подражания. «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» вызвало много споров, первыми на него отозвались сторонники Карамзина, считавшие такие взгляды ретроградными и «староверческими». Вместе с тем, как вскоре стало заметно, касавшаяся, казалось бы, сугубо лингвистических вопросов полемика была призвана скорректировать развитие России, учитывая национальный фактор.

В «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» А.С. Шишков делает следующее заявление, ставшее отправной точкой в его программе: «Древний славенский язык наш, повелитель многих, есть корень и начало российского языка» [4. С. 1–2]. Создание такой утопической ситуации тождества русского и церковнославянского языков позволяло говорить о древности и преемственности национальной традиции. Точку зрения А.С. Шишкова критиковали даже профессиональные ученые – филологи, в частности известный славист А.Х. Востоков, но в ответ он получал лишь морализаторские суждения.

В нескольких своих произведениях [5. С. 139–140; 6. С. 52–53] А.С. Шишков указывает основания русской словесности: духовные книги, исторические предания и народный язык. Считая их образцами, которые содержат не только языковые красоты, но и нравственные ценности, адмирал активно призывал молодых писателей заняться чтением данных текстов. Так, сочинения самого А.С. Шишкова изобилуют цитатами из Священного Писания, акафистов, ирмосов и пр. Церковнославянский язык, согласно лидеру архаистов, боговдохновенен, обладает красноречивостью и может отражать сущность самых разных явлений жизни социума, для которых в лексиконе человека той поры использовались заимствованные слова. Такая традиционная верность Слову пронизывает всю творческую деятельность А.С. Шишкова. Достаточно вспомнить, что он и группа его сторонников выступили инициаторами закрытия библейских обществ в России, готовивших издание Библии на русском языке [7].

Среди исторических произведений наряду с летописями особенно важную роль в концепции А.С. Шишкова приобретает опубликованное в 1800 г. «Слово о полку Игореве». Вооружившись им против своих литературных противников, он использует произведение для доказательства древности «славенороссийского» языка, что следует, по его мнению, «во-первых, из красоты и силы сих самых переводов... Во-вторых, из старинных русских песен, пословиц и сказок... В-третьих, из сего о полку Игоревом слова [8. С. 36]». Помимо этого, А.С. Шишков создает свое «преложение» произведения, наделяя его иной смысловой нагрузкой. Стоит отметить, что это был один из первых комментариев к «Слову...» вообще.

А.С. Шишков включает произведение древнерусской литературы в свою лексическую концепцию и изменяет его согласно своим вкусовым представлениям, а именно установкам классицизма, требовавшим писать героические поэмы высоким стилем. Поэтому его «Преложение Игоревой песни» содержит значительное число архаизмов, которых нет в оригинале.

К тому же А.С. Шишков «осовременивает» произведение, дополнив его актуальными вопросами. Так, понятие «русская земля» получает у интерпретатора государственный оттенок, а плачевные последствия похода Игоря оцениваются в масштабах всей страны. В качестве причин этих бедствий, помимо раздоров между князьями, А.С. Шишков упоминает и языковую ситуацию: «Ничтожные, маловажные словеса увеличиваются, сеют между ними раздоры... Между тем неприятели от всех стран приходят, нападают на области наши, побеждают, разят, похищают» [9. С. 135]. Таким образом, А.С. Шишков намекает современникам, какую роль играет языковая политика в сохранении национального благополучия.

Восторг адмирала вызывал не только язык «Слова полку Игоревом», но и «дух народной гордости», которым «дышит» произведение: «Какое воинское свойство, какой дух, какую доблесть должен иметь тот народ, который взято у неприятеля златое одеяние бросает в грязь, между тем как исторгнутое из рук его простое копье, аки некую драгоценную вещь хранит и подносит в дар верховному начальнику своему?» [8.

С. 60]. Позднее А.С. Шишков сделает «народный дух» основой любви к отечеству и основным средством борьбы за российское могущество. Неудивительно поэтому, что, как показал М.Г. Альтшуллер, «Преложение» Шишкова получило признание его единомышленников и стало выразителем лингвистической программы архаистов [10].

Последний в списке, но не последний по значимости источник русской словесности, согласно А.С. Шишкову, – народные предания. Фольклор, по мнению адмирала, обладает «приятностью», красноречивостью, простотой. Он является выражением народной гордости, менталитета и нравственной чистоты. (Примечательно, что эпитет «приятный» был характерен для литературного дискурса карамзинистов и применялся как характеристика карамзинского слога. А.С. Шишков противопоставляет «приятность» народного слога языку, ориентированному на Европу. В письме к К.Ф. Калайдовичу от 9 января 1822 г. носителем вкуса назван народ, который «являет еще искры ума и вкуса в изображениях страстей и природы» [12. С. 419].)

Стоит отметить, что интерес А.С. Шишкова к народу и народной культуре возрастал постепенно к эпохе 1812 г. вместе с ростом патриотических настроений, и, в конце концов, народный язык стал одной из основ лингвистической программы архаистов. Сам адмирал признавался в частном письме после публикации «Разговоров о словесности между двумя лицами Аз и Буки» в 1811 г.: «Сперва бранили меня за то, что защищаю славенский язык, теперь станут бранить за то, что прославляю народную» [11. С. 311]. Народ, являясь хранителем традиции, безусловно, принадлежал конструируемому А.С. Шишковым идеальному прошлому, которое преобразованиями Петра I четко отделялось адмиралом от настоящего. Однако от их прямой оценки А.С. Шишков воздерживается. В «Разговорах о словесности между двумя лицами Аз и Буки» автор делает практически единственный упрек Петру I, разрушившему национальное единство: «...сколько сближение и общение наше с иностранцами удалило нас наружностью и внутренностью от обычаев и нравов предков наших, таковую же перемену чужие языки и чтение книг их произвели в образе объяснения или в наречии нашем» [6. С. 48].

Необходимо подчеркнуть, что А.С. Шишкову был важен книжный, письменный язык, «площадным» же словам («простонародным» в лексиконе адмирала и его сторонников) в языковой концепции архаистов места не находилось. Примером может служить твердая позиция, занятая адмиралом относительно использования буквы Ё. В архиве А.С. Шишкова, хранящемся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), сохранились его заметки – комментарии к литературным произведениям той поры. К сожалению, документ не датирован и не имеет начала. Позволим себе обширную цитату из него: «онъ не хватаетъ с неба звѣздъ – как? звѣздъ вместо звѣздъ? да кто, кроме мужиков, этак говорит, не только пишет? Есть ли уже так, то зачем же онъ? Зачем же не хватаетъ? Зачем же съ неба? Надлежало бы уже весь стих сказать по-мужицки: іонъ не хватаетъ съ нѣба звѣздъ.

Премудрая выдумка: заштатную букву іѳ, писавшуюся только в одних площадных словах, превратить в ё, чтоб возвыся ее уничтожить язык! вот что делает просвещение! чего во все века от начала языка никто не придумал, то изобрел один человек и нашел себе подражателей! или лучше сказать не изобрел, а перенял у немцев, которые пишут wärme, grösse и проч.; но им это нужно, дабы показать, что слова сии происходят от wagt, gross; а нам на что? Для того, чтоб без всякой надобности уродуя правописание писать: звѳзды, гнѳзды, паѳѳтъ, или еще хуже поѳѳт, вооружѳѳнь, грядѳѳтъ и тому подобное. Как это умно, полезно! вместо чтоб разговорный язык возводить до чистоты и правильности письменного, мы письменный уроним до низости простонародного, и поэмы наши и трагедии наполним с одной стороны непонятными кудрявостями, а с другой языком каким в опере говорят филатно...» [13. Л. 2. С. 1–2]. Такое отрицательное отношение Шишкова к букве ё (или ее аналогу – іѳ) было вызвано ориентацией дворянской элиты в XVIII – первой четверти XIX в. на церковнославянское произношение «е» в противовес «ёкающему» простонародному выговору, по выражению Сумарокова, чтоб «не упасть в речь к подлой черни» [14. С. 16].

Подобные же резкие выпады (но менее эмоциональные) против использования буквы ё мы находим и в опубликованных произведениях Шишкова: в «Записках, мнениях и переписке адмирала А.С. Шишкова» («Письменный, чистый и благородный язык не может вмещать в себе онаго (звука іѳ). Оно терпимо только в разговорном языке, и то в самых низких словах...» [12. С. 411]) и «Разговорах о словесности между двумя лицами Аз и Буки», где критика буквы ё занимает важное место [6. С. 26–41].

В контексте важности письменного книжного языка смыслообразующим оказывается и шрифт. В воспоминаниях С.Т. Аксакова сохранился эпизод, в котором А.С. Шишков испортил великолепный рисовальный альбом М.А. Турсуковой, где подписи художников и самой владелицы были выполнены на французском языке: «...дядя широкою, густою чертою вымарал французскую подпись и крупными русскими буквами, полууставом, подписал под ней имя и фамилию рисовавшего живописца». Так, шрифт наряду с языком становится маркером принадлежности к определенному социуму [15]. Вместе с тем стоит отметить противостояние между полууставом и гражданской азбукой. Гораздо более жесткую взаимосвязь текста и шрифта среди современников адмирала можно обнаружить у старообрядцев, которые ратовали не только за сохранение языка, но и за неизменность его графического выражения. А.С. Шишков в этом ключе заметил: «...я не поклонник старинь» [16. С. 212], хотя историко-лингвистические установки адмирала и староверов были достаточно близки. Об этом свидетельствует сочувствие, которое встретил писатель-самоучка И.Д. Ершов, выходец из староверческой купеческой семьи, у А.С. Шишкова [17].

Закономерно, что конструирование национальной традиции как самостоятельного фактора развития госу-

дарства ставило вопрос о ее хранителях. Ими в построениях А.С. Шишкова стали церковь, которой отводилась роль блюстителя нравственных устоев и воспитания («Истинное просвещение состоит в страхе Божиим, который есть начало премудрости» [18. С. 14]), а также неразвращенный пагубным иностранным влиянием народ, сохранивший связь с дореформенным временем и национальные русские черты, в том числе чистоту языка и неиспорченное православие: «Народ российский, – писал А.С. Шишков, – всегда крепок был языком и верою; язык делал его единомысленным, вера единокорным» [3. С. 264]. Таким образом, Шишков сделал концепт народа центром своей идеологической программы. Будучи воспитанным в глухой деревне, он был не понаслышке знаком с народной жизнью, но осмысливал ее реалии с романтических позиций и тем самым искусственно создавал определенную идеологическую схему. Как заметил В.С. Парсамов, «Шишков решал в первую очередь идеологические, а не лингвистические задачи» [18. С. 27]. Целью этой схемы было воссоздание былого национального единства, возможного, по мнению А.С. Шишкова, на языковой основе.

В свете актуальности проблем, связанных с пагубным для России иностранным влиянием, ясен интерес А.С. Шишкова и его сторонников к Смутному времени, которое в их представлении выступило аналогом современной им ситуации: как и тогда, под угрозой было поставлено самое существование страны, и спасение должно прийти из народных глубин. Наиболее ярко эти события отобразил А.С. Шишков в «Рассуждении о любви к Отечеству», где в качестве народных героев упомянуты князь Пожарский, купец Минин, патриарх Гермоген, Филарет. В «Прибавлении к Рассуждению о старом и новом слоге» можно найти также имена других национальных героев: «Мы видим в предках наших примеры многих добродетелей: они любили отечество свое, тверды были в вере, почитали Царей и законы: свидетельствуют в том Гермогены, Филареты, Пожарские, Трубецкие, Палицыны, Минины, Долгорукие и множество других» [19. С. 458–459]. В результате народные герои становятся нарицательными персонажами, олицетворяющими любовь и преданность Отечеству.

В 1807 г. С.А. Ширинский-Шихматов, поэт, ближайший сторонник А.С. Шишкова публикует свое произведение «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия. Лирическая поэма в трех песнях», ставя своей целью создание национальной героической поэмы. Особенностью этого произведения была яркая эмоциональная окраска, патриотический пыл и торжественное чувство, вызванное величием происходивших в Смутное время событий. В «Записках современника» С.П. Жихарева описывается реакция А.С. Шишкова на читаемые его любимцем стихи: «схватил тетрадь и сам начал чтение... внятно, правильно и с необыкновенным воодушевлением» [22. С. 358–359]. Такое поведение адмирала вполне закономерно: стихи Ширинского-Шихматова полностью отвечали идеологическим установкам главы «Беседы». Само заглавие поэмы отражало цели конструируемой схемы: победа в борьбе с иностранным засильем, ставившим под угрозу национальное бытие России, может быть достигнута только в

условиях единения всех сословий – дворянства, народа и церкви. Оно возможно, по мнению А.С. Шишкова, прежде всего, на основе общего языка. При этом критикуя языковые нормы высших слоев общества, в частности установку на заимствование иностранных слов и выражений, адмирал видел в дворянстве носителей передовой светской культуры, образованности, чьи знания могут пойти на пользу всему государству, как то и завещал Петр I: «Петр Великий желал науки переселить в Россию, но не желал из россиян сделать голландцев, немцев или французоз; не желал русских сделать нерусскими» [20. С. 462]. Примером такой интеллектуальной деятельности, приносящей пользу всему обществу, для А.С. Шишкова было творчество М.В. Ломоносова, создавшего «теорию трех штилей», в рамках которой были намечены пути создания русского литературного языка путем стилистического смешения слов разного рода, в том числе и простонародных. Адмирал добавляет к этой теории исторический аспект: воссоздать величие русского языка можно только обратившись к прошлому, традиции, хранителем которой является народ. Именно в народной речи слышались А.С. Шишкову отзвуки языка допетровской Руси.

Впоследствии продолжая искать доказательства своей теории, А.С. Шишков обращался и к зарубежному опыту, о чем свидетельствует его замысел организации кафедры славянских языков при российских университетах. К тому же он активно сотрудничал (переписывался и обменивался книгами) с такими иностранными славистами, как поляк Богумил Линде, чех Йозеф Добровский, с которым познакомился лично в период заграничных походов русской армии, серб Вук Караджич, чех Вацлав Ганка и др. Таким образом, Шишков, будучи на посту президента Академии наук и поддерживая тесные научные связи с ведущими зарубежными учеными-филологами, пытался объединить их усилия, направленные на создание национального литературного языка.

Живой интерес А.С. Шишков проявил к Краледворской рукописи, «найденной» чехом В. Ганкой в 1817 г. в местечке Кёнигинхоф и оказавшейся на самом деле его талантливой подделкой. Она представляла собой обрывки 14 песен на различную тематику: лиро-эпические, лирические и эпические. А.С. Шишков даже и не думал оспаривать подлинность данной рукописи и поспешил создать русский перевод – комментарий, в котором утверждал близость русского и чешского языков, возводя их к одному прародителю, а именно «славенскому» языку: «Сие открытие В. Ганки столько же и для нашей словесности полезно, сколько и для Чехской или Богемской, по той причине, что язык в сей старинной рукописи есть почти чистый наш язык» [21. С. 184]. Исходя из близости русского и чешского языков, А.С. Шишков в своем переводе ряда песен из Краледворской рукописи использует «Слово о полку Игореве» (считая, что произведения объединяются героико-эпическим жанром), а также выражения, почерпнутые им из фольклорных произведений. Адмирал находит в песнях из Краледворской рукописи свидетельство, «что дар стихотворения, чувство силы красноречия, и уважение к талантам не чужды были Славянам» [22. С. 307].

Имея восторженную позицию относительно народного языка, А.С. Шишков сочетает ее с достаточно охранительными взглядами касательно реального социального положения большинства русского народа. В «Историческом обзоре деятельности Министерства Народного Просвещения» (1902 г.) приводится точка зрения А.С. Шишкова, что «обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу оно количество людей, принесло бы более вреда, чем пользы», науки должны преподаваться «смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет» [23. С. 166].

В воспоминаниях Д.Д. Свербеева описывается случай, когда молодой, либерально настроенный автор на вопрос А.С. Шишкова «...ну ты, юноша, знаешь, сколько у нас состояний?» ответил следующее: «Два: деспоты и рабы». Реакция старого адмирала была показательна: «как бы не солоно похлебавши, отскочил от меня Шишков и значительно взглянул на Кикина» [24. С. 165].

Языковые споры, в ходе которых была сформулирована историко-лингвистическая концепция А.С. Шишкова, были вызваны к жизни не только внешними обстоятельствами (необходимостью создать национальное государство подобное европейским), но и внутренней потребностью в самоидентификации, которая является, начиная со времен Петра I, одной из самых острых проблем русской культуры. Внимание к языку разных слоев общества определялось тем, что именно в этой сфере происходило столкновение с иной культурой, через взаимодействие с которой (отрицание / принятие) человек осознавал себя.

Архаисты во главе с А.С. Шишковым занимали позицию защитников национальной самобытности, основывающейся на священных текстах и церковнославянском («славенском») языке. Последний являлся для адмирала и его последователей идеальной моделью, на которую следовало ориентироваться литераторам того времени, а также источником современного («славено-русского») языка. Помимо священных текстов, написанных церковнославянским языком, А.С. Шишков указывает другие основания российской словесности: исторические предания и фольклор. Такой синтез различных языковых начал позволял архаистам вернуться к культурной целостности традиционного общества – на почве нового литературного языка должно было состояться сближение народа и дворянства, отстранившихся друг от друга в период реформ Петра I. Подобный миф единения стал востребованным в период войны с Наполеоном, когда в 1812 г. А.С. Шишков был назначен государственным секретарем вместо М.М. Сперанского. Практически он писал все манифесты, обращенные к общественности в период войны, и язык, которым они были написаны, по признанию самого автора, был встречен с ликованием.

Таким образом, именно в языке происходит наиболее полное осознание человеком самого себя на фоне чуждого иностранного влияния, модель взаимодействия с которым впоследствии переносится на всю культуру: «В противоположность сему [французскому народу], без всякого самохвальства, можно отдать справедливость, что в нашем народе не было никогда иных книг, кроме насаждающих благонравие, – иных нравов, кроме благочестивых, уважающих всегда человеколюбие, гостепри-

имство, родство, целомудрие, кротость и все христианские, нужные для общежития добродетели» [12. Т. 2. С. 326]. Подобная идеализация народа и его истории

составляли отличительный признак новой эпохи национальных государств, в создании которых, несомненно, особую роль сыграли языковые споры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ермаков А.В.* Против течения? Русские консерваторы XIX века и Просвещение. М. : Мельничная Падь, 2006. 113 с.
2. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Сочинения. Л., 1984. Т. 1. С. 55–504.
3. *Шишков А.С.* Рассуждение о любви к Отечеству // Шишков А.С. Избранные труды. М. : РОССПЭН, 2010. С. 257–277.
4. *Шишков А.С.* Разговоры о словесности на старом и новом слоге российского языка // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. 2. С. 1–357.
5. *Шишков А.С.* Речь при открытии «Беседы любителей русского слова» // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Ч. 4. С. 108–147.
6. *Шишков А.С.* Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. 3. С. 1–169.
7. *Полежаева Т.В.* «Ходил я в католическую здешнюю церковь слушать музыки и пения»: к вопросу о характере религиозности А.С. Шишкова // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 63–66.
8. *Шишков А.С.* Примечания на древнее о полку Игоревом сочинение // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 7. С. 35–124.
9. *Шишков А.С.* Преложение Игоревой песни // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 7. С. 125–149.
10. *Альшиуллер М.Г.* «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова» // ТОДРЛ. Т. 26. Л., 1971. С. 109–122.
11. *Шишков А.С.* Письмо к Я.И. Бардовскому // Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин – Прага, 1870. Т. 2. С. 310–311.
12. *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова. Берлин – Прага, 1870. Т. 2. 474 с. (Архив А.С. Шишкова. Заметки его о русском языке // Рукописный отдел института Русской литературы Российской академии наук. Ф. 636. Оп. 3. № 4. 4 л.)
13. *Будде Е.* Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX вв.). СПб., 1908.
14. *Шемякин Я.Г.* О характере соотношения языка, текста и шрифта в цивилизациях «пограничного» типа // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 15–25.
15. *Шишков А.С.* Сравнение Сумарокова с Лафонтеном, в тех притчах, которые они заимствовали у древних и пересказали оныя каждый своим образом // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1828. Ч. 12. С. 122–212.
16. *Крючкова М.А.* Феномен «философской жизни» в русской культуре XVIII в. (по поводу мемуаров И.Д. Ершова) // Человек эпохи Просвещения. М. : Наука, 1999. С. 138–155.
17. *Шишков А.С.* Записки адмирала Александра Семеновича Шишкова. М., 1869. 142 с.
18. *Парсамов В.С.* Александр Семенович Шишков // Шишков А.С. Избранные труды. М., 2010. С. 5–68.
19. *Шишков А.С.* Прибавление к сему сочинению [Рассуждению о старом и новом слоге российского языка. – Т.П.] или собрание критик, изданных на сию книгу с примечаниями на оныя // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. 2. С. 357–466.
20. *Жихарев С.П.* Записки современника. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. 834 с.
21. *Шишков А.С.* Предуведомление к Рукописи Краледворской // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 6. С. 182–187.
22. *Шишков А.С.* Объяснение слов и выражение подлинника // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. 6. С. 306–309.
23. *Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения 1802–1902.* СПб. : Издание Министерства Народного Просвещения, 1902. 785 с.
24. *Свербеев Д.Д.* Первая и последняя моя встреча с А.С. Шишковым // Русский архив. 1871. Вып. 1. С. 162–182.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 августа 2013 г.